

Русская литература

№ 2

Историко-литературный журнал

2009

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. А. Котельников. О реализме и идеализме в литературе и философии	3
РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АВАНГАРД: ОТ ГРАНИЦ ЯВЛЕНИЯ К ГРАНИЦАМ ТЕРМИНА	
А. В. Крусанов. О термине «русский авангард»	32
Ян Петер Лохер (<i>Швейцария</i>). Понятие «авангард» в русской, чешской и литовской литературной критике	41
Роберт Ходель (<i>ФРГ</i>). Между реализмом и модернизмом	46
В. Н. Сажин. Обэриуты, чинари... Мания классификации, или Так делается наука	52
Ганс Гюнтер (<i>ФРГ</i>). Остранение — Брехт и Шкловский	59
В. Ю. Вьюгин. Иносказание зауми: «авангард» в «Кике и Коке» Хармса	66

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

А. А. Костин. Изучение русской литературы XVIII века в 1930-е годы. (Переписка редакции «Литературного наследства» с Г. А. Гуковским и другими авторами)	79
---	----

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

И. М. Грицевская. Древнерусская книжность и особенности чтения на Руси	105
Е. Г. Милюгина. «Опыт о русских древностях в Москве...» Н. А. Львова и Дж. Кваренги: уточнения к публикации	115
Письмо А. И. Писарева А. Н. Верстовскому (публикация И. Д. Немировской)	121

А. Н. Шустов. «Капитан Копейкин» — малороссийский сосед Гоголя	125
С. В. Березкина. О пятом выпуске «Вечерних огней» Фета	127
Т. Г. Иванова. «Умер, бедняга! в больнице военной...»: историко-культурный комментарий к стихотворению К. Р.	135
А. А. Папченко. Декаданс и этнография: к исследованию ранней прозы Федора Сологуба	158
Переписка В. В. Розанова и С. Ф. Шарапова (1893—1910) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии О. Л. Фетисенко) (окончание)	170
Proscriptum к «Кукхе»: письма Ремизовых к Розановым (1905—1918) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. Р. Обатниной)	185
В. Е. Багно. Поэма о Великом Инквизиторе в эмигрантском дискурсе	202
К истории парижского архива Э. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского. По материалам переписки В. А. Злобина с Б. И. Николаевским и М. С. Цетлиной (вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. М. Павловой)	207
Джанолах Карими-Мотаххар, Марзие Яхьяпур, Фарагис Ашрафи (Иран). К восприятию чеховской традиции в иранской литературе. (Крестьянская тема в «Мужиках» А. П. Чехова и «Шур Абаде» М. Джамаль-Заде)	224

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Б. Ф. Егоров. Достоевская энциклопедия	232
О. И. Федотов. Новая книга о поэтике Бориса Пастернака	235

ХРОНИКА

С. М. Климова, А. Г. Гродецкая. VI Международная научная конференция в Ясной Поляне	240
Н. А. Прозорова. Восьмые Константиновские чтения (Научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения великого князя Константина Константиновича)	244
Э. К. Гумерова. Международная научная конференция «Образ Чехова и чеховской России в современном мире» (К 150-летию со дня рождения А. П. Чехова)	247
А. А. Малышев. Конференция «Российская Академия (1783—1841): язык и литература в России на рубеже XVIII—XIX веков»	254

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор *Н. Н. СКАТОВ*

Редакционная коллегия:

Е. В. АНИСИМОВ, Д. М. БУЛАНИН, Г. Я. ГАЛАГАН (зам. главного редактора),
А. А. ГОРЕЛОВ, В. Я. ГРЕЧНЕВ, И. Ф. ДАНИЛОВА (отв. секретарь редакции),
Н. Н. КАЗАНСКИЙ, В. А. КОТЕЛЬНИКОВ, Н. Д. КОЧЕТКОВА, А. В. ЛАВРОВ,
Ю. М. ПРОЗОРОВ, С. А. ФОМИЧЕВ, Т. С. ЦАРЬКОВА

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

Телефон/факс (812) 328-16-01

e-mail: rusliter@mail.ru

**PROSCRIPTUM К «КУКХЕ»:
ПИСЬМА РЕМИЗОВЫХ К РОЗАНОВЫМ (1905—1918)**

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ © Е. Р. ОБАТНИНОЙ)*

Книгу А. М. Ремизова «Кукха. Розановы письма» (Берлин, 1923), увековечившую историю дружеских отношений автора и философа В. В. Розанова, можно назвать «литературным памятником» в буквальном смысле этого слова. «Кукха» — один из первых опытов мемуарной прозы в зрелом ремизовском творчестве, в котором реальность переплетается с автобиографическим мифом. Во вступлении к книге писатель прямо указал на субъективный ракурс своего изложения: «Читатель, не посетуй, что, взявшись представить Розанова через его письма <...> рассказываю и о себе, о нашем житье-бытье. <...> Хочется мне сохранить память о нем. А наша память житейская, семейная, — нет в ней ни философии, ни психологии, ни точных математических наук».¹

В основу авангардного по своему историко-литературному значению произведения положены дневник писателя 1905—1906 годов, а также подлинные письма Розанова за период с 1905 по 1917 годы. «Кукха» возникла из документов, которые Ремизов берег, осознавая их непреходящую ценность. Еще в 1919 году в Петрограде он создал альбом, в который, кроме писем философа, включил необходимый комментарий, иллюстрации и фотографии — все, что вкуче образовало прототекст будущей книги.² Собранный документальный материал послужил импульсом для возобновления духовного общения, прерванного смертью философа. Не случайно, «Кукха» начинается с прямого обращения, адресованного в загробный мир: «В. В. Розанову. Это я вам Василий Васильевич. Эту Кукху...»³

* Публикатор выражает благодарность за поддержку «Фонду содействия отечественной науке».

¹ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7: Ахру / Подг. текста, статья, комм. Е. Р. Обатниной. М., 2002. С. 37.

² Ремизовский альбом с подлинными письмами Розанова сохранился в архиве библиотеки Гарвардского университета (США). История альбома, а также содержащиеся в нем комментарии Ремизова к письмам философа впервые приведены в составе нашего комментария к «Кукхе». Подробнее см.: Там же. С. 523—563.

³ Там же. С. 58.

По вполне понятным причинам за рамками опубликованного текста остались письма самого Ремизова и его жены Серафимы Павловны к В. В. Розанову и его супруге В. Д. Розановой. Являясь неотъемлемой составляющей истории многолетней дружбы, эти документы, отложившиеся в архиве философа в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), существенно расширяют историко-литературный и бытовой контекст книги. Семь писем Ремизовых к Розановым за 1905—1907 годы располагаются на страницах пухлого конверта, в общем ряду полученной Розановым корреспонденции 1900—1910-х годов.⁴ Ремизовский раздел в этом эпистолярном собрании предваряется подклеенными заметками Розанова, набросанными красными чернилами на небольших листках бумаги.⁵ Записки несут в себе заряд впечатлений от встреч философа с Ремизовыми в первые годы их общения.

Личное знакомство состоялось в 1905 году в конторе журнала «Вопросы жизни», где начинающий писатель работал делопроизводителем. Дружескому сближению способствовал и интерес к эротической теме. Комментируя одно из писем философа, Ремизов упоминает о совместном намерении создать нечто вроде «русского Декамерона»: «о такой книге — „Книге любви“, о чем знали хорошо у нас „мамки“ и „свахи“».⁶ Однако восприятие Эроса не было идентичным. Для Розанова «пол» вообще, и эротика, в частности, как конкретно-чувственные выражения метафизической сферы человеческого бытия,⁷ являлись предметом углубленных исследований, опирающихся на историю культовых обрядов и социализации семьи в истории человечества. Молодой Ремизов, напротив, все эротическое воспринимал сквозь призму народной смеховой культуры, питая особенный интерес к различным образам «материально-телесного низа» (М. М. Бахтин), которые он с увлечением искал в памятниках древнерусской литературы, апокрифах, фольклорных сказках.

«Легкомыслие» в вопросах пола, характерное для ремизовских произведений 1900—1910 годов, сказалось и в художественных образах, так или иначе спроецированных на личность Розанова. Например, явный эротизм образа Стратилатова из повести «Неумный бубен» (1910) позволяет провести параллели и с самим философом, и с его «пансексуализмом».⁸ Портрет Розанова воссоздан и в рассказе «Пупочек» (1913), в котором присутствует добрая и вместе с тем ироничная интерпрета-

⁴ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724 (письма № 116—122 на л. 201—214).

⁵ Публикацию подобного рода розановских заметок по материалам архива ОР РГБ см.: В. В. Розанов о ближних и дальних (Пометы к письмам корреспондентов) / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Ломоносова // Литературоведческий журнал. 2000. № 13/14. Ч. 1. С. 74—148. Ср. также: «...В. В. имел обыкновение набрасывать на чем попало, на клочке бумаги, на обороте транспаранта, на вашем письме, приходившие ему в голову, вечно бродившие в нем мысли. (...) Это, впрочем, доказывают и сборники его записей — „Уединенное“ и два тома „Опавших листьев“. При жизни В. В. вышло только три таких книги, но материала у него должно было быть на много томов; еще в Петербурге, как-то раскрыв ящик своего письменного стола, куда он сбрасывал эти исписанные лоскуты, он показал мне целое бумажное море...» (Перцов П. П. Воспоминания о Розанове // П. П. Перцов. Литературные воспоминания. 1890—1902 гг. / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 2002. С. 269—270).

⁶ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 544.

⁷ Ср. характерное для Розанова определение из статьи «Семя и жизнь» (1897): «Пол — это начинающаяся ночь в самой организации человека. (...) И не было бы любви, целомудрия, брака, „материнство“ и „дитя“ не были бы самоизлучивающимися явлениями — если бы пол был функцией или органом, всегда и непременно в таком случае безразличным к сфере своей деятельности, всегда „хладным“, „не вбирающим“» (Розанов В. В. [Соч.] Т. 1: Религия и культура. М., 1990. С. 213).

⁸ См.: Данилевский А. А. 1) Mutato nomine de te fabula narrator // А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. Блоковский сборник VII (Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Вып. 735). Тарту, 1986. С. 143—149; 2) Герой А. М. Ремизова и его прототип // Актуальные проблемы теории и истории русской литературы. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение (Там же. Вып. 748). Тарту, 1987. С. 150—165.

ция личности философа.⁹ Гиперсексуальные наклонности или эротизм непременно окрашены в таких случаях в самые что ни на есть шутейные тона.

Суть расхождений в оценках «деликатной» темы, раскрывает также один из ярких фрагментов «Кукхи», повествующий о том, как однажды Ремизов вместе с Розановым затеяли рисовать фаллосы.¹⁰ Объект рисования в рассказе обозначен эфемизмом «Х. (хобот)». Кульминация всей истории приходится на момент раскрытия фонемического имени рисунка, когда обнаруживаются два противоположных культурных кода — сакральный и профанный. В то время как Ремизов открыто иронизирует над художеством и дает ему емкое обценное определение, при этом даже позволяя себе оценочное умаление («так х. (хоботишко!»), Розанов «вдохновенно и благоговейно» наделяет рисунок культовым значением, оттого нецензурное слово воспринимается из его уст как «имя первое — причинное и корневое: / — Х. (хобот)».¹¹

Такого рода несоответствия в известной степени подтверждает и первый фрагмент из записей Розанова:

«Ремизов А. М.

Один из умнейших и талантливейших в России людей
φαινόμεν¹²

По существу он чертенок — монашеночек из монастыря XVII в. Весь полон до того похабного — в мыслях, намеках, что после него всегда хочется принять ванну.¹³

Он — миниатюрный, черный.

„Она” белокурая, громадная».¹⁴

Рецензенты книги «Кукха. Розановы письма» единодушно отмечали сконцентрированность ремизовского изложения на эротическом подтексте. Так, почитатель Розанова Д. А. Лутохин писал: «Ремизов, написавший эту „Кукху”, и Розанов, о котором она написана — большие мастера письма, искусники великие: они преодолевают „словесность” и дают сконцентрированную, обостренную, но подлинную жизнь. <...> Розанов лежит у Троице-Сергия под Москвой, вы с ним на земле уже не встретитесь, а прочтете Ремизова — и узнаете Василия Васильевича. Да еще в самое утро его заглянете. И то, что вы узнаете о нем и попутно об авторе „Кукхи”, заставит вас нежно полюбить обоих. У воспоминаний есть фон: литературная Россия, Россия вообще того времени, которого они касаются: 1905—1911 г.г. <...> Это между прочим, а главное, конечно, Кукха... и Х. («хобот»), слово, которое В. В. возглашал „вдохновенно и благоговейно”...»¹⁵

⁹ Подробнее см.: *Обатнина Е.* «Магический реализм» Алексея Ремизова // Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 3: Оказион. М., 2000. С. 588—589.

¹⁰ По свидетельству П. Перцова, Розанов проводил немало времени, собственноручно копируя в Публичной библиотеке египетские культовые изображения, многие из которых заключали в себе фаллическую символику (*Перцов П. П.* Воспоминания о Розанове. С. 270). См. также очерк «Тайна скарабея» в книге Розанова «Возрождающийся Египет» (*Розанов В. В.* Собр. соч. Т. 14: Возрождающийся Египет. М., 2002. С. 212—215).

¹¹ *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 7. С. 100.

¹² яснород(ный) (*греч.*).

¹³ Ср. письмо Розанова к Ремизову (1906 г.): «...возлюбленный мой „охлальник” (хотел написать «похабник» — да испугался)» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 7. С. 70).

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 203. Фрагмент в усеченном виде попал в книгу «Сахарна», собранную в 1913 году, но не опубликованную при жизни писателя. См.: *Розанов В. В.* Собр. соч. Сахарна / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1998. С. 119—120.

¹⁵ *Лутохин Д.* [Рец.] А. Ремизов. Кукха. Розановы письма. Берлин, 1923 // *Огни*. 1924. 21 янв. № 3. С. 5. Запись в дневнике Лутохина от 14 января 1924 года позволяет датировать завершение работы над рецензией: «Приготовил для „Огней” интересную заметку о судьбе наших экономистов в России и за рубежом, а также отзыв — Кукха Ремизова. В последней закончил почти матерным словом, чтобы не шокировать почтенного руководителя газеты» (ИРЛИ. Ф. 592. Ед. хр. 3. Л. 5 об.).

Два других фрагмента, очевидно, записанных со слов Серафимы Павловны Ремизовой, имеют прямое отношение к многолетним исследованиям философа на темы семьи и пола.¹⁶ Молодые супруги Ремизовы могли заинтересовать философа как некая модель супружеских отношений, не похожая на большинство семейных союзов литературной элиты.¹⁷ В этом ракурсе его внимание особенно привлекала Серафима Павловна — цветущая женщина, мать маленького ребенка, едва ли не воплощение *Mater magna*,¹⁸ в отличие от «никак не претендующих на это» декадентов, «не способных родить даже таракана».¹⁹ Впоследствии Ремизов включит воображаемый диалог с Василием Васильевичем в книгу о юности жены «В розовом блеске», в ходе которого подчеркнет особо доверительные отношения, завязавшиеся между философом и Серафимой Павловной: «Помните, как в первый раз взглянув ей в глаза, вы, обратясь ко мне, сказали: „Серафима благородная, а мы с тобой...»²⁰ Значение первого, рассказывающего историю женитьбы Ремизовых, трудно переоценить, учитывая имеющиеся в биографии писателя лакуны, относящиеся к обстоятельствам его знакомства с будущей женой в 1902 году в вологодской ссылке: «Интересна их женитьба. Он пошел куда-то на сходку и его арестовали. Сослали. В ссылке б(ыла) „она” и началось с того, что она при первой встрече дала ему пощечину. Он разумеется извинился, сказав: „Простите, Сер(афима) Пав(ловна), но я не агент полиции, а несчастный студент”. Естественно, что она после этого вышла за него замуж: „Его” и „Ее” я всегда представляю как черную мышь, грызущую „головку” голландского сыра».²¹

Заключительная запись фиксирует казус, вписывающийся в розановский интерес к половым девиациям: «„Она” рассказала мне — в компании — поразительный случай *sim* (1 сл. нрзб.): интеллигент, при уехавшей жене жил *mit Hund*:²² „и ежедневно мы слышали, как наверху она визжит — от боли”. У него было (зачеркнуто 1 сл.) сделались отвратительные глаза, приобретя собачье в выражении. Так он жил около года с нею, пока жена написала, „Еду”. Он отвел собаку в лес и застрелил».²³

В составе розановского фонда в РГАЛИ сохранился также рисунок Ремизова 1906 года. Вместе с двумя письмами 1917 и 1918 годов он составляет отдельную архивную единицу, формирование которой, очевидно, в отличие от писем из конволюта, осуществилось уже после смерти Розанова.²⁴ Этот графический эскиз, размещенный Розановым в конце книги «Когда начальство ушло... 1905—

¹⁶ В автобиографической справке, составленной для «Энциклопедического словаря» в 1899 году, Розанов, перечисляя свои работы, писал: «Важнейшими сам автор считает статьи, посвященные раскрытию трансцендентно-религиозного содержания пола, и всего, что из него — брака, семьи, детей» (ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 3079. Л. 2 об.).

¹⁷ Ср.: «Нельзя не обратить внимания, что все связанные „кольцом Мережковского” суть люди бездетные и, кажется, в сущности безжизненные» (высказывание Розанова приводится по: *Фатеев В. С* русской бездной в душе. Жизнеописание Василия Розанова. СПб.; Кострома, 2002. С. 354).

¹⁸ Вечная мать (лат.).

¹⁹ Ср.: *Розанов В. В.* Люди лунного света. Метафизика христианства // *Розанов В. В.* [Соч.] Т. 2: Уединенное. М., 1990. С. 186.

²⁰ *Ремизов А.* В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952. С. 285.

²¹ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 203 об. Тема подозрений в сотрудничестве с полицией (см.: Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. I. Вологда. (1902—1903) / Вступ. статья, подг. текстов и комм. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 171—172) оставалась для писателя тяжелой травмой до последних дней жизни. Даже в романе, посвященном жене, эта ситуация проявляется лишь намеком. Между тем история, имевшая место в вологодской ссылке, обрастала сплетнями и зафиксировалась в воспоминаниях современников (см., например: *Шаховская З. В* поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 125).

²² с собакой (нем.).

²³ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 204.

²⁴ Там же. Ед. хр. 593. Л. 3.

1906 г.» (СПб., 1910), возник на обложке переписанного Ремизовым «Жития Моисея Угрина» из случайной чернильной кляксы. Вверху листа справа рукой Розанова написано: «Рисунок Алексея М(ихайловича) Ремизова / на обложке „О Моисее Угрине“». История происхождения этого образца ремизовской графики, изображающего полет ведьмы на метле, а также рассказ о его печатном воспроизведении нашли свое законное место в «Кукхе». ²⁵ Здесь приводится и письмо философа, с подробным описанием структуры будущего издания, где автор высказывает намерение поместить «божественный рисунок» на последней странице книги.

Много лет спустя по просьбе художника Н. В. Зарецкого, страстного поклонника творчества Розанова, Ремизов снова вспомнил о рисунке: «Хорошо, что нет моей подписи под рисунком, приложенным к книге В. В. Розанова „Когда начальство ушло“». Мой рисунок исправил художник и какая получилась ерунда. В 1906 г. я занимался своим „Бесовским действием“. Читал Киевский Патерик. Однажды Вас. Вас. зашел днем (а жили мы на Песках, на 5 Рождествен(ской)) и застал меня на этом чтении. Из всего „Патерика“ больше всего его заняло „Житие Моисея Угрина“, которому „это место“ отрезали, отчего он и умер. ²⁶ А отрезали, потому что имел отвращение к женщинам и не захотел стать возлюбленным киевской княгини. Я обещал В. В. переписать для него житие. Через неделю житие было переписано, но случилось несчастье: толкнул чернила и разлилось на белую чистую обложку. Но и вдруг я увидел в разбрызганных пятнах целую картину и стал обрисовывать. И получилось: летит ведьма — именно ЛЕТИТ, а за ней и над ней и впереди НЕЧИСТЬ. З. 12. 1906 в канун Варварина дня я передал В. В. у Мережковских мою рукопись с картинкой. В. В. был в восторге и обещал непременно напечатать. Картинка и появилась, но от моего рисунка осталось очень мало. Когда в 14 лет я надел очки и увидел совершенно другой мир, я понял, что нет никаких постоянных форм, как нет и одного сплошного цвета. А то, что принято называть „натурой“ и что будто бы воспроизводят художники, есть не что иное, как шаблоны, выработанные каким-то средним глазом. Все это я вспомнил, когда взглянул на мой исправленный рисунок: у меня была ведьма: живот толкачиком, от полета она вся напряжена и нога слилась с другой, на картинке же живот круглый, как полагается и две ноги. Потом я заметил, что независимо от диоптрий движущееся изменяет форму и в шаблон не вкладывается. Моя летящая нечисть и была именно ЛЕТЯЩЕЙ. Но В. В. в этом не разбирался: исправленное ему показало и чище и „художественно“». ²⁷

«Кукха» зафиксировала особый взгляд автора на личность Розанова и его философию пола. От первоначальной иронии, профанного озорства, дистанцирования от розановского фаллического пафоса посредством обценной лексики не осталось и следа. В ходе повествования из забавного и семейного Розанова возникает Розанов-мифологема — персонификация той жизненной силы, по имени которой книга получила свое название. В мифологическом языке ремизовского Обезвельволпала слово «кукха» (наряду с двумя другими «обезьяньими» словами «ахру» — огонь и «гошка» — еда) символически выражает первоэлемент Бытия, собственно «влагу», так как в образовании этого слова, очевидно, использованы индоевропейские корни: «kuk» — женский половой орган, и «gheu» — влага. Собственно, придуманное Ремизовым слово является сакральным именем той метафизической субстанции, которой Розанов посвятил самые поэтические и восторженные страницы своей философии; в конечном счете, она и стала для Ремизова выражением феномена Розанова.

²⁵ См.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 89—90.

²⁶ «Житие Моисея Угрина» из «Киевского Патерика» послужило материалом для книги Розанова «Люди лунного света» (СПб., 1911).

²⁷ Литературный архив Музея национальной литературы (Прага). Фонд Н. В. Зарецкого. Письмо от 20 января 1932 года.

Подобно поэтам древней Александрии, писавшим «фигурные» стихи, Ремизов сочинил в своей книге о Розанове гимн в форме пирамиды «великому фаллофору»,²⁸ который через артефакты древней цивилизации пришел к пониманию мистической значимости начала начал:

«...живая влага, Фалесова hugron, мировая „улива“, начало и происхождение вещей, движущаяся, живая, огненная, остервенелая, высь скоры, высь быстры, высь бега, жгучая, льнущая — я скажу — на обезьяньем языке словом — одним словом: кук — ха — кук — ха! Кукха, проникающая мир сквозь звезды, устой подзвездья, сама живая жизнь, живчик, семя, выросшее и в букашку и в козявку 3½ миллиона в Лондонском музее всяких разных козявок, смотрите! — и в человеку с беспоконной, как сама кукха, мыслью от Фалеса до — кукха, проникающая в кукху, самопознающая! кукха, вырывающаяся из себя — хочу знать само! кукха, где все — одно сердце, одна жизнь, букашки, козявки, таракашки, слоны, медведи, коровы, люди — вырастающая человеком в самочеловека — в пирамиду В. В. Розанов».²⁹

На протяжении всей жизни писатель размышлял над феноменом Розанова. В 1931 году Ремизов напишет очерк «Розанов», который станет фундаментом для оформления его собственных мировоззрительных построений на темы Эроса.³⁰ Во второй части романа «В розовом блеске» — «Сквозь огонь скорбей» он возвращается к использованному уже в «Кукхе» приему прямого обращения к Розанову. На этот раз Ремизов вступает в дискуссию по поводу метафоры «древо жизни» из «Откровения» Иоанна Богослова, использованной философом в статье «О К. Н. Леонтьеве. 1831—1892» (1917): «Василий Васильевич! Ваша мечта, новая правда: жизнь, потому что вы прожили свою жизнь в тоске и неудаче. Но кого вы сунете под ваше Древо в беззаботное и зеленое человечество? <...> Уж очень под Вашим Древом Жизни благообразно. Лермонтов от скуки просто разложит костер и подожжет — туда и дорога со всеми райскими плодами. Я понимаю, откуда ваша мысль, да и вы и не таете: „истосковался, неудачи!“ — вы мечтаете о рае Божьем. Древо Жизни! <...> Человек выбрал другое дерево и свою волю не уступит до смерти».³¹ В 1932 году в очерке, посвященном памяти Б. В. Савинкова, писатель именно Розанова назовет антиподом революционера-экстремиста, для которого простые человеческие идеалы любовных отношений и семейного счастья лишь помеха в революционной борьбе: «На вашем примере разрушается много теорий, объясняющих человеческую жизнь. Розанову просто нечего было бы с вами делать».³²

Одним из поздних и значимых обращений Ремизова к философии Розанова стало эссе «Судьба без судьбы» (1955). В последние годы жизни писателя вновь, как и в революцию, захватывают мысли о человеческом предназначении, о границах человеческой воли по отношению к Божественному мироустроению: «Во имя блага и спасения человечества совершались и совершаются преступления против „человека“. И началось это от всемирного потопа до Голгофы и от Голгофы продолжается до наших дней: казнь огнем, водой и воздухом — мимо „человека“».³³ По-

²⁸ Почетное звание Розанова в ремизовском Обезвельволпале. См.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 59—60.

²⁹ Там же. С. 88.

³⁰ Впервые опубликовано: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 184—186. Рукопись, хранящаяся в фонде Зарецкого (Литературный архив Музея национальной литературы (Прага)), представляет собой раннюю редакцию очерка «Выхожу один я на дорогу», вошедшего в книгу «Встречи. Петербургский буерак». См.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 316—320.

³¹ Ремизов А. В розовом блеске. С. 284.

³² Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. М., 2000. С. 503.

³³ Там же. С. 509.

лагааясь на три типа сознания, персонифицированные Ф. М. Достоевским, Кондратием Селивановым и В. В. Розановым, Ремизов сформулирует здесь три сугубо русских модели решения извечной экзистенциальной проблемы: убийство страха в себе, по примеру Кириллова; всемирное оскпление, по завету Селиванова, и радостный пансексуализм Розанова.³⁴

«Розановский» путь ассоциировался у писателя с известной сентенцией героя Достоевского: «Революция или чай пить?» Приводя ее в книге «Взвихрённая Русь», Ремизов ужасается, насколько жестока и несправедлива эта антиномия применительно к Розанову, искреннему поборнику индивидуализма, мечтавшему о всеобщей радости жизни:

«Розанов или тысячи крутящихся палочек?

— Человек или стихия?

— Революция или чай пить?

А! безразлично! — стихии безразлично: вскрутит, попадешь — истопчет, сметет, как не было.

Вскруть жизни — революция — — и благослови ты всю жизнь. Все семена жизни, ты один в этой крути без защиты и тебе крышка. Так Розанова и прикрыли».³⁵

«Бытовое» по своему содержанию письмо Ремизова от 18 апреля 1917 года — единственное в собрании, написанное в год революции.³⁶ Ответ Розанова приведен в «Кукхе» в главе «Последнее»,³⁷ однако в целом ни общение двух корреспондентов, ни их политические настроения этого периода в книге остались практически неосвещенными. Между тем известно, что в отличие от большинства своих литературных современников Ремизов, начиная с самого Февраля 1917 года, крайне мрачно смотрел на происходящее вокруг. Буквально каждая строка из его дневника этого времени скорбно фиксирует стремительный процесс гибели России, распада норм бытия.³⁸ Показательно, что и Розанов быстро утратил свой оптимизм, чутко уловив в гнетущей революционной атмосфере запах крови и террора.³⁹ Характеризуя политическое состояние страны в мае 1917 года, Ремизов записал, ссылаясь на мнение друга: «...Розанов говорит: Россия в руках псевдонимов и солдаты и народ темный».⁴⁰

Последний раз они повидались в Петрограде 27 мая 1917 года; в июне Ремизовы уехали из города на лето к дочери, а в августе Розановы перебрались на постоянное место жительства в Сергиев Посад. Наполненная тревогой встреча кратко описана в «Кукхе»⁴¹ и несколько подробнее — в романе «Взвихрённая Русь».⁴² В памяти писателя осталась убежденная мысль Розанова, прозвучавшая как смертный приговор: «Мы теперь с тобой не нужны».⁴³ Как бы обреченно ни звучали эти слова, индивидуальным ответом писателя и философа на последовавшие вскоре тяжелые духовные и физические испытания стал необычайный творческий подъем.

С осени 1917 года по весну 1918-го Ремизов создает корпус произведений, в которых в полной мере отражается его новое трагическое мироощущение. 10 октября 1917 года закончена поэма «Огневица», написанная под глубоким впечатлением от тяжелой болезни, всколыхнувшей в бредовых снах все переживания, связанные с революцией. Практически одновременно появилось и знаменитое «Слово

³⁴ Там же.

³⁵ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5: Взвихрённая Русь. М., 2000. С. 75.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 1.

³⁷ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 127.

³⁸ См.: Там же. С. 423—482.

³⁹ Подробнее о трансформации позиции Розанова в период с февраля по октябрь 1917 года см.: Фатеев В. С русской бездной в душе. Жизнеописание Василия Розанова. С. 584—588.

⁴⁰ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 436.

⁴¹ См.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 128.

⁴² Там же. Т. 5. С. 73—75.

⁴³ Там же.

о гибели земли русской». В начале января 1918 года написан памфлет «Вонючая торжествующая обезьяна...», так и оставшийся не опубликованным; в феврале — «Слово к матери-земли», «Плач» и «О судьбе огненной. Предание от Гераклита Эфесского», в начале апреля напечатано «Заповедное слово Русскому народу»; на Пасху — поэма «Золотое подорожие. Электрумные пластинки». По существу каждое из этих произведений представляет собой обращение писателя Ремизова к России и русскому народу: глубоко личное переживание здесь крепко спаяно с гражданской позицией.

Розанов в течение года опубликовал серию статей, посвященных России, составивших книгу под символическим названием «Черный огонь», а с ноября 1917-го начал издавать в Сергиевом Посаде отдельными выпусками книгу «Апокалипсис нашего времени». Каждый очерк этой последней книги философа был осознанным актом индивидуального своеволия. Экзистенциальные переживания, измерявшиеся не литературским эгоцентризмом, а трагическим осознанием катастрофического финала огромной эпохи, вобрали в себя весь спектр розановских наблюдений над действительностью революционного времени. Несмотря на то, что непосредственное общение двух товарищей навсегда прекратилось в конце мая 1917 года, сопоставление некоторых мотивов в произведениях Ремизова и последних книгах Розанова красноречиво свидетельствует о совпадении многих эмоциональных оценок и философских констатаций.

В пасхальной статье «Светлый праздник русской земли», напечатанной 2 апреля 1917 года в газете «Новое время», Розанов пророчествует о наступающих временах: «Религиозные люди имеют все причины вспомнить об Апокалипсисе: потому что события вполне апокалиптические, будем ли мы думать о войне, обратимся ли мыслью к нашему внутреннему потрясению и перевороту. (...) „Было” и „нет его”. Так будущий Апокалипсис нашей истории расскажет о происшедших событиях нашего времени, о царстве „бывшем” и „не ставшем” в один месяц. „Дивились народы совершившемуся” — как не повторить этих слов Апокалипсиса о перевороте. (...) „И свилось небо, как свиток, и попадали звезды», — всё это слова Апокалипсиса! Всё — до чего применимо к нашим дням».⁴⁴ В «Слове о гибели земли русской» Ремизов предрекает неминуемую гибель России, также прибегая к образам из Откровения Святого Иоанна: «Тьма вверху и внизу. / И свилось небо, как свиток. / И нету Бога. / Скрылся Он в свитке со звездами и с солнцем и с луною».⁴⁵

В статье «Как мы умираем?», опубликованной в первом выпуске «Апокалипсиса нашего времени» (ноябрь—декабрь 1917 года), Розанов пытается установить причинно-следственные связи, объясняющие крушение основ бытия, останавливаясь на таком типичном явлении русской жизни, как «лишний», «ненужный» человек, описанном классической литературой. Родовой нигилизм русской природы является, по мысли Розанова, свойством всего народа — «ненужного» народа, который, в конечном счете, обречен, поскольку в своем отрицании обесценил не только весь многострадальный путь русской истории, но и отрекся от Бога: «Мы умираем от единственной и основательной причины: *неуважения себя*. Мы, собственно, самоубиваемся. (...) Земля есть Каинова, и земля есть Авелева. И твоя, русский, земля есть Каинова. Ты проклял свою землю, и земля прокляла тебя».⁴⁶

В «Слове о гибели земли русской» Ремизов, как и Розанов, вспоминает о худшем из худших. Однако его Каин восходит к вполне реальному разбойнику

⁴⁴ См.: Розанов В. В. Собр. соч.: Мимолетное / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1994. С. 340—341. Статья была включена в авторский макет книги «Черный огонь».

⁴⁵ Воля народа. 1917. 28 ноябр. Литературное приложение «Россия в слове». С. 2. Цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 408.

⁴⁶ Цит по: Розанов В. В. Собр. соч.: Мимолетное. С. 417. Не исключено, что Ремизов познакомился с текстом первых выпусков «Апокалипсиса» значительно ранее, чем получил личный экземпляр, присланный Розановым из Сергиева Посада (см. прим. 6 к п. 9).

XVIII века Ивану Осипову, прозванному в народе Ванькой Каином: «Был на Руси Каин, креста на нем не было, своих предавал, а он в проклятом грехе любил свою мать — Россию...»⁴⁷ Проходит менее полугода, и этот образ получает уже расширительное, библейское толкование. Обвинение русского народа в каиновом преступлении против братьев своих (то есть против самого себя), против православной веры звучит в «Заповедном слове Русскому народу», появившемся в печати 12 апреля 1918 года:⁴⁸ «Горе тебе, русский народ! (...) ты, как Каин, ищешь места себе на земле, где бы голову приклонить, а каждый куст тебе шепчет: — Беги, проклятый, дальше беги! И убитые тобой встают вслед вереницей: — Каин, где брат твой?»⁴⁹ Тожество мифологем, окрашенных вселенским пессимизмом, лишний раз подтверждает, насколько конгениально мыслили в этот момент писатель и философ.

Самое последнее письмо Ремизова к Розанову от 15 мая 1918 года свидетельствует о попытке писателя возобновить прерванное в середине 1917 года общение. Здесь он вспоминает о произведениях, созданных за прошедшее время, о смертельной болезни, пережитой осенью 1917 года, когда в сознании, затемненном кошмарными видениями, неожиданно возник образ Розанова. Порыв сердца запечатлелся в поэме «Огневица», написанной сразу после выздоровления. В некоторых латентных признаках этого текста также содержатся розановские обертоны мыслей.

В этом смысле особого внимания заслуживает описанное в поэме видение полета сквозь «мать сыру-землю». Фольклорный по своей семантике образ основывается на представлении о земле как женском плодородном начале. Однако само описание у Ремизова локализовано на физическом переживании перехода в инобытие (рождение-смерть) через прохождение в недра земли порождающей и погребаящей: «Пробил я черепом дно моего досчастого гроба, полетел сквозь землю (...). Мать сыра-земля! Вниз головой лечу в землю через земляную кору — кости и черепа, куски тела, персть и прах — чую состав земляной, сырь, чую запах земли. Мать сыра-земля! Прорезаю земляную кору, недра матери земли — песок и камень...»⁵⁰ Не случайно фрагмент с полетом в «Огневице» предшествует эпизоду, в котором упоминается имя философа. Материалистическая конкретность «Огневицы» содержит коннотативную связь с мыслями Розанова о мифологическом значении образа «мать сыра-земля», выражение которых находим в не опубликованных при жизни автора «мимолетных» записях 1915 года, очевидно, не раз проговариваемых писателем в беседах: «Эта земля, по которой мы *ходим*, вторая земля. Есть таинственная первая, к которой мы стремимся. Эта — то сыра, то суха, родит и не родит. Та вечно рождает и всегда сыра. И не по планете, а по той первой, рекут: **МАТЬ-СЫРА ЗЕМЛЯ**. Предвечная сырость... Вечный запах водорослей, нитей, болота, кочек и бактерий».⁵¹

Рефлексии розановских мыслей дают о себе знать в поэме и еще в одном случае. Развитие болезни передано через нагнетание снов, сквозь которые доносятся реальные звуки окружающей жизни. Повторяющийся напев колыбельной за стеной соседней квартиры, превращается в «зовущий» голос, благословляющий на путь в загробный мир: «И чей-то голос зовет: Дам тебе я на дорогу...» Включая строки из «Казачьей колыбельной песни» Лермонтова в реальную среду бытования (стихотворение ассимилировалось в фольклорной традиции), Ремизов придает им мистический смысл. Примерно за два десятилетия до этого лермонтовский стих стал

⁴⁷ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 405.

⁴⁸ Воля народа. 1918. 12 апр. № 1. Литературное приложение «Россия в слове». С. 17—20.

⁴⁹ Цит по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 413. Об образе братоубийцы Каина в произведениях Ремизова 1917—1918 годов см. также: *Обатнина Е. А. М.* Ремизов. Личность и творческие практики писателя. М., 2008. С. 67—68.

⁵⁰ Цит. по: Дело народа. 1917. 24 дек. № 241. С. 3.

⁵¹ Розанов В. В. Собр. соч.: Мимолетное. С. 27.

лейтмотивным и для изысканий Розанова в области египетской религии. В своем раннем очерке 1899 года философ истолковывал строки из «Казачьей колыбельной песни» как откровение о «вечно рождающем» божественном Отцовстве.⁵² Очевидно, что оригинальная интерпретация античных представлений о нисхождении и восхождении души в ремизовской «Огневице»⁵³ напрямую увязывается с мыслью Розанова об универсальности древнеегипетских культов. Автор поэмы дважды в имплицитной форме полемизирует с розановским идеализмом, апеллирующим исключительно к продолжению рода, к жизни в ее нетленности и беспредельности. Для Ремизова строка «Дам тебе я на дорогу» включает в себя жизнь и смерть в их нераздельном единстве. Внутренняя дискуссия с философом находит продолжение и в «Кукхе», когда автор адресует свой вопрос в вечность: «А что, Василий Васильевич, теперь вы поняли, что никакой папироски там и не надо?»⁵⁴

В конце мая 1918 года, по просьбе Ремизова, переводчик Александр Александрович Бородин, в 1910-е годы бывавший в петербургском доме Розановых, посетил Сергиев Посад. 31 мая Ремизов получил от Бородина полный отчет об экспедиции: «Ездил в Лавру. Не без труда нашел на поляне Розановых. В(асилия) В(асильевича) не было, как назло уехал в Москву, так что взять Ваш апокалипсис (очень интересно и глубоко, особенно Т. 2) не мог, но дочь обещала напомнить отцу, чтобы выслал. Варвара Дмитриевна выглядит ужасно, краше в гроб кладут. Вообще они все жалки, заброшены, раздавлены событиями. Долгов тьма, продают вещи, даже книги, живут без прислуги, В. Д. сама все делает с дочерьми на кухне, хотя едва на ногах держится. Жаловалась на невыносимую тоску и тяжелую старость. Все время заговаривается, не сразу меня признала. Дочь Таня рассказывала мне, что В(асилий) В(асильевич) тоже в таком жалком виде. Он, между прочим, помирился (или хотел помириться, я это понял со слов Гершензона) с Гершензоном, был на даче у М(ихаила) О(сиповича), и когда М(ихаил) О(сипович) упомянул про Вас, он спросил: „А что Алексей Мих(айлович) все еще читает лекции студентам?“ Очевидно, память-то у бедняги очень слаба стала».⁵⁵ Может быть, отчаявшемуся в противостоянии революционной стихии несчастному философу память действительно временами изменяла, однако известно, что в начальных строках одного из предсмертных писем (январь 1919 года) он назвал в ряду своих самых близких друзей «любимого Ремизова и его Серафиму Павловну».⁵⁶

Включенные в текст предисловия автографы Розанова (публикуемые в полном виде впервые), а также письма Ремизовых (№ 1—7: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 201—214; № 8—9: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 593) приводятся в соответствии с авторской орфографией и пунктуацией.

⁵² См.: *Розанов В. В.* Из седой древности // *Розанов В. В.* Возрождающийся Египет. М., 2002. С. 52—68. Очерк впервые был напечатан в книге «Религия и культура» (СПб., 1899); опубликован в составе второго выпуска книги «Из восточных мотивов» (вышел в печать до марта 1917 года).

⁵³ Развитие этой темы находим в поэме «Золотое подорожие». Подробнее см.: *Обатнина Е.* Орфические источники поэмы А. М. Ремизова «Золотое подорожие» // *Античность и русская культура Серебряного века. XII Лосевские чтения: К 85-летию А. А. Тахо-Годи.* М., 2008. С. 140—148.

⁵⁴ *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 7. С. 131. Ср.: «Несите, несите, братцы: что делать — помер. (...) Покурить бы, да неудобно: официальное положение. (...) Непременно в земле скомкаю саван и коленку выставлю вперед. Скажут: — „Иди на страшный суд“. Я скажу: — „Не пойду“. — „Страшно?“ — „Ничего не страшно, а просто не хочу идти. Я хочу курить. Дайте адского уголька зажечь папироску» (*Розанов В. В.* [Соч.] Т. 2: Уединенное. М., 1990. С. 272).

⁵⁵ ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 35. Письмо датировано 29 мая 1918 года.

⁵⁶ В. В. Розанов. Письма 1917—1919 годов / Вступ. статья Е. Ивановой; публ. и комм. Е. Ивановой и Т. Померанской // *Литературная учеба.* 1990. № 1. С. 85; *Розанова Т. В.* «Будьте светлы духом» (Воспоминания о В. В. Розанове). М., 1999. С. 92.

1

〈февраль—март 1905 года〉¹

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Письмо Ваше застигло нас в ту самую минуту, когда прощались с доктором, и Серафима Павловна сияла от радости, а я уж думал о том, как бы поскорее Пасха пришла и Наташу-Бубочку² маленькую в деревню на лето отвезти.³ Больно там молоко вкусное. Доктор сказал, что ребеночек на редкость, только выносить гулять следует, да купать не всякий день. А просыпалась по ночам, потому что насморк в дороге схватила. Впрочем, теперь носиком не сопит и сейчас вот тихонечко байбаиньки-спит.

Приходите когда-нибудь днем к нам.⁴ Покажем Вам Наташу. Как она улыбается — четыре зубка светятся, и пальчиками перебирает, а тельце мякенькое — мякенько, как возьмешь и оторваться не хочется.

Д. В. Философов влюбился, женихом теперь называется и Наташа тоже к нему цапается.⁵

Простите, Василий Васильевич, что пишу много, так хочется о Наташе поговорить, а редко встречаю, кто бы детей любил.⁶

За письмо спасибо Вам. Мы его сохраним. Все под Богом ходим.

А. Ремизов

Кланяемся Варваре Димитриевне.⁷*Глубокоуважаемый Василий Васильевич!*⁸

Большое, большое Вам спасибо за письмо; столько радости оно нам доставило — главное — вот Вы — такой человек, а Вам и к нам сочувствие есть, редко так приходится встречать. Непременно к вам придем, больно хочется и с Вами обо всем можно совсем прямо говорить.

Большой поклон Варваре Димитриевне.

С. Ремизова

*Был у нас д-р Иогихес.*⁹

¹ Письмо датируется по содержанию.

² Домашнее прозвище дочери Ремизовых Наташи (1904—1943). Ср. пояснение Ремизова к письму, адресованному жене 6 июля 1905 года: «Натусю я научил „куковать“, потому и звал ее и Бубуней (от «бубука»), и „кукуня“ (от кукушка)» (На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и комм. А. д'Амелия // *Europa Orientalis*. IX. 1990. С. 461).

³ С. П. Ремизова с Наташей, которой к этому времени исполнилось 11 месяцев, приехала в Петербург из родового имения в Берестовце (Черниговская губ.) в начале февраля 1905 года, а уже 20 апреля она с ребенком снова вернулась на Украину (см.: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // *Europa Orientalis*. VI. 1987. С. 286—287; IX. 1990. С. 443—444). Попытки Ремизовых устроиться с маленьким ребенком в Петербурге, не имея постоянной квартиры и располагая очень скромным жалованьем начинающего писателя, служившего тогда заведующим хозяйственной частью при редакции журнала «Вопросы жизни», закончились тем, что уже в начале 1906 года Наташа была перевезена в Берестовец под опеку близких родственников. Девочка оставалась жить там и после отъезда родителей в эмиграцию. См. о ней: *Резникова Н. В.* Наташа Ремизова // *Резникова Н. В.* Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 44—59; *Буннич-Ремизов Б. Б.* Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и в восприятии ее близких // *Алексей Ремизов: Исследования и материалы*. СПб., 1994. С. 267—272.

⁴ О бытовых условиях в 1905 году, в квартире, занимаемой редакцией «Вопросов жизни», Ремизов вспоминал в книге «В розовом блеске»: «При редакции нам две комнаты: в угловой Серафима Павловна с Наташей, а тут я ючусь, и тут обедаем и чай пьем и Наташу купаем. А на кухне в кутке Ганна, берестовецкая девочка нянька, очень скучала по малороссийскому салу, и поет над Наташей „Гули, сиры гули, во червонных, во цоботах...“ Сорок рублей жалованья в месяц (...), а прибавки я не дождусь: к новому году все вместе с журналом вылетим в трубу» (*Ремизов А. В розовом блеске*. С. 299).

⁵ Философов Дмитрий Владимирович (1872—1940) — литератор, публицист, один из первых знакомых Ремизова в Петербурге. Подробнее об истории их отношений см.: Переписка А. М. Ремизова и Д. В. Философова / Публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 366—422.

⁶ Ср.: «Как приедешь, давай снимемся вместе, я уж писал тебе и эту карточку Натусеньке. Мережковским не стоит: сий не взглянет, З. Н. Гиппиус отрежет меня, исколет булавками и бросит в камин, в огонь» (На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // *Еурога Orientalis*. IX. С. 454). О том, как литературная богема реагировала на «редакционное дитя», см.: *Ремизов А. В розовом блеске*. С. 300.

⁷ Руднева Варвара Дмитриевна (в первом браке — Бутягина; 1864—1923) — вторая жена В. В. Розанова.

⁸ Курсивом отмечен текст, написанный рукой С. П. Ремизовой.

⁹ Иогихес Мартин Иосифович (1872—?) — врач, специализировавшийся по детским болезням; в 1900-е годы работал в детской больнице принца Ольденбургского; проживал в доме (Саперный пер., 10), в котором располагалась редакция журнала «Вопросы жизни» и комнаты Ремизовых.

2

⟨декабрь 1905 года⟩¹

Многоуважаемая и дорогая Варвара Димитриевна!

Если можно, помогите. Дайте на время 75 р.² Будем отдавать по частям, по мере получения от Д. Е. Жуковского,³ который мне должен 200 р.

Не просил бы Вас так сразу, но какое-то непреодолимое желание ехать к Наташе толкает.

Думал получить эту сумму сегодня у Д. Е. Ж(уковского), но он сейчас не может. А жил несколько дней с одной мечтой поехать. Уж представлял себе, как подъедем, как в дом войдем, как, когда Наташа попривыкнет, на руки ее возьму и на ушко пошепчу.

Все, все так ясно представляю, будто уж съездил не раз. Прятаться Наташа будет, за очки ручонками цапать. Я ее никогда не видал, как она на ножках ходит, не слышал, как говорит. Вижу ее и слышу, хоть и видел и слышал только как ползает и пищит. Что-то толкает непременно увидеть, а там по приезде начать поиски за работой и местом. Работа и место, но в душе что-то сохранится, будет бегать и говорить-говорить единственный образ светлый-пресветлый с беленькими волосками.

Кланяюсь Василию Васильевичу.

А. Ремизов

¹ Письмо написано на бланке журнала «Вопросы жизни»; датируется по содержанию.

² Ср. фрагмент главы «Дела житейские» в книге «Кукха. Розановы письма», описывающий эту ситуацию, отнесенную здесь к кануну Рождества 1906 года: *Ремизов А. М. Собр. соч.* Т. 7. С. 65. В тетради Ремизова с адресами и маршрутами поездок также указывается, что с 22 по 28 декабря 1905 года писатель находился в Берестовце (РНБ. Ф. 631. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 3).

³ Жуковский Дмитрий Евгеньевич (1868—1943) — официальный редактор журнала «Вопросы жизни», переводчик, издатель философской литературы. Ср.: «Хозяин Дмитрий Евгеньевич Жуковский, издатель неподъемных кирпичей Куно Фишера, философ, сам не писал, а любил в философских разговорах вставить о трансцендентном, по образованию зоолог» (*Ремизов А. В розовом блеске*. С. 301).

3

31 января 1906 года.¹

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Посылаю Вам гранки Ваших статей, которые хранились в архиве «Нового Пути» а перешли после «Вопросам Жизни».² Прилагаю карточку Ф. Штука: «Друзья».³

Варваре Димитриевне кланяюсь и желаю скорейшего выздоровления.

Два Ваших воскресенья пропустили:⁴ одно по случаю приезда Брюсова,⁵ другое — у Сологуба рассказ Сологуба читался.⁶

Алексей Ремизов

¹ Письмо написано на бланке журнала «Вопросы жизни».

² Являясь одним из постоянных авторов «Нового пути», Розанов опубликовал в разных разделах журнала не только свыше 20 статей, но и вел собственный отдел «В своем углу», также состоявший из его очерков и рецензий (см.: Журналы «Новый путь» и «Вопросы жизни». 1903—1905 гг.: Указатель содержания / Сост. Е. Б. Латенкова. СПб., 1996). Осенью 1904 года при смене руководства журнала и его названия (на «Вопросы жизни») Розанов был исключен из числа ближайших сотрудников издания.

³ Возможно, речь идет о почтовой открытке с репродукцией картины немецкого живописца, одного из лидеров символизма в изобразительном искусстве Франца фон Штука (Franz von Stuck; 1863—1928).

⁴ Подразумеваются журфиксы, устраиваемые Розановым по воскресеньям.

⁵ В. Брюсов пробыл в Петербурге с 18-го до 27 января 1906 года. Ср. дневниковую запись Ремизова, относящуюся к 18 января 1906 года: «Приехал Брюсов» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 58). В этот день Ремизов и Брюсов встретились на башне Вяч. Иванова. См. письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятиной от 19 января, а также список гостей, присутствовавших в среду 18 января, составленный Вяч. И. Ивановым: Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898—1921) // Лит. наследство. 1982. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 235—236; а также: Кузмин М. Дневник 1905—1907 / Предисл., подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000. С. 101—102. Встречи Ремизова и Брюсова продолжились в четверг 19 января (ср.: «У Сомова на Екатеринбургском с Брюсовым» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 58)), а также в субботу 21 января. См. письмо Ремизова к Андрею Белому, написанное на следующий день: «Вчера разговаривал с В. Я. Брюсовым о „Слоненке“» (цит. по: Переписка с А. М. Ремизовым (1902—1912) / Вступ. статья и комм. А. В. Лаврова; публ. С. С. Гречешкина, А. В. Лаврова и И. П. Якир // Лит. наследство. 1994. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. С. 195). Подразумевающийся воскресный день (22 января) не подтвержден документальными фактами, указывающими на встречу писателей. Подробнее о творческих контактах Ремизова с В. Я. Брюсовым см.: Там же. С. 137—222.

⁶ Речь идет о воскресном собрании литераторов у Ф. Сологуба 29 января 1906 года. По всей вероятности, в этот день хозяин дома читал свой новый рассказ «Елkich». Автограф рассказа с авторской датировкой «4 января 1906» сохранился в архиве писателя (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 74). Записи Сологуба о литературных вечерах начала 1906 года не сохранились. Сравнение во многом противоположного стиля общения, принятого на воскресных вечерах в домах Розанова и Сологуба, см.: Пяст Вл. Встречи. М., 1997. С. 83—84.

4

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Виноват я перед Вами страшно: взялся воспроизвести монету, и не сумел.²

Всеми манерами подступал, — но точного отпечатка не получилось. С печатьми другое дело: они мне даются.³

Возвращаю Вашу книгу французскую,⁴ статью из «Нового Времени».⁵

Посылаю описание казни Шмидта⁶ и расследование дела Спиридоновой.⁷ Варваре Димитриевне кланяюсь.

А. Ремизов

16 марта 1906 года.

¹ Письмо написано на бланке журнала «Вопросы жизни». Несмотря на то, что решение о закрытии этого издания было принято редакцией в ноябре 1905 года, последний номер журнала (№ 12) вышел в марте 1906 года. Ср. запись Е. П. Иванова от 21 марта 1906 года: «Пошел в „Вопросы жизни“ и принес 12 №. Хорошая кончина журнала» (Воспоминания и записи Евгения Иванова об Александре Блоке / Вступ. статья Д. Е. Максимова; публ. Э. П. Гомберг и Д. Е. Максимова; подг. текста Э. П. Гомберг, комм. Э. П. Гомберг и А. М. Бихтера // Блоковский сборник (1): Труды науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А. А. Блока, май 1962 г. / Отв. ред. Ю. Лотман. Каргу, 1964. С. 402).

² Содержание данных строк соотносится с письмом Розанова (1906), приведенным в «Кукхе» в главе «Нумизматика». См.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 70. Речь идет о копировании одной из античных монет, принадлежавших Розанову, в коллекции которого к 1906 году насчитывалось три с половиной тысячи экземпляров археологической нумизматики. Ср. комментарий Ремизова к письмам Розанова: «...о монетах: я предложил некоторые очень тонкие скопировать и издать альбом. Осуществить ничего не пришлось...» (Там же. С. 544). О розановском увлечении античными монетами см.: Фатеев В. С русской бездной в душе. Жизнеописание Василия Розанова. С. 491—498; а также: Василий Васильевич Розанов — коллекционер-нумизмат. 1856—1919 (К 150-летию со дня рождения). М., 2006.

³ Об интересе Ремизова к печатам свидетельствует беловой автограф рассказа 1910-х годов. «Печати. Резь всяческая», в котором приводится описание различных сургучных и каменных печатей (РНБ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 347).

⁴ Очевидно, речь идет о регистре восточных монет с их полным описанием, составленном А. К. Марковым — известным археологом, специалистом по античной нумизматике. Этот труд вошел в седьмой том серии «Научная коллекция института восточных языков Министерства иностранных дел» — *Registre Général Des Monnaies Orientales Suivi De La Description De Quelques Pièces Rares Ou Inédites Du Médaillier De l'Institut, Par Alexis De Markoff. Saint-Petersbourg, Eggers, 1891. 48 PP. (Collections Scientifiques De l'Institut Des Langues Orientales Du Ministère Des Affaires Étrangères. V. 7)*. Упоминание о книге Маркова на французском языке, которую автор подарил Розанову во время их первой встречи в Эрмитаже см.: Фатеев В. С русской бездной в душе. Жизнеописание Василия Розанова. С. 494.

⁵ Подразумевается очерк Розанова «Археология древних миниатюр» (Новое время. Иллюстрированное приложение. 1906. 18 февр. № 10751; 29 марта. № 10790), в основном посвященный личному опыту писателя в коллекционировании античных монет.

⁶ Шмидт Петр Петрович (1867—1906) — военный офицер, возглавивший мятеж на крейсере «Очаков» и других судах черноморского флота 14 ноября. Приговорен военно-морским трибуналом к смертной казни; вместе с тремя своими подчиненными расстрелян 6 марта 1906 года на острове Березань. Вероятно, речь идет о кратком описании процедуры расстрела, появившемся в печати на следующий день. В частности, газета «Русское слово» поместила сообщение «„Казнь Шмидта“ (По телеграфу от нашего корреспондента)» (1906. 7 марта. № 64. С. 2). Два дня спустя после исполнения приговора газета «Речь» опубликовала очерк под названием «Телеграмма Анны Избаш», содержащий сообщение сестры Шмидта: «Его последние слова были лейтенанту, товарищу по корпусу, который присутствовал при казни. „Миша, — сказал он, — кланяйся сестре. Прикажи целить прямо в грудь“. Он снял саван и вообще был совершенно спокоен, чем ободрял товарищей» (1906. 8 марта. № 14. С. 1).

⁷ Имеется в виду громкое дело лидера партии левых эсеров Марии Александровны Спиридоновой (1884—1941), которая после ареста за убийство жандармского полковника Г. Н. Луженовского подверглась жестоким истязаниям и издевательствам со стороны арестовавших ее офицеров. Общественная реакция на обстоятельства ареста и заключения, связанные с пытками подследственной, вынудили выездную сессию московского окружного военного суда заменить Спиридоновой смертную казнь через повешение на бессрочную каторгу, которую она отбывала в Нерчинске. Очевидно, в письме речь идет о материалах журналистского расследования В. Е. Владимиров, систематически публиковавшихся на страницах газеты «Русь» с 7 по 15 марта под общим названием «По делу Спиридоновой». Републикацию статей Владимиров см. в кн.: Лааров В. М. Мария Спиридонова: террористка и жертва террора. Повествование в документах. М., 1996. С. 19—75.

5

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Посылаю письмо на редакцию,¹ не знаю Вашего дачного адреса.²

У меня к Вам просьба, напишите этому попу Петрову,³ чтобы он вернул мне переданные ему С(ерафимой) П(авловной) рукописи Тышки.⁴

Писать лично ему — не имеет смысла, он не пожелает ответить.

А мне хочется разделаться с этим господином, пускай себе головы другим заворачивает.

С. П. очень расстроена. Кланяется вам и Варваре Димитриевне, и я кланяюсь.

Алексей Ремизов

Мой адрес: 5 Рождественская, 38 кв. 2.⁵

28 мая 1906 года
СПБ.

¹ Подразумевается редакция газеты «Новое время», которая располагалась в Эртелевом пер., 6.

² Розановы проводили лето на даче в Гатчине (ул. Александровская, 23).

³ Петров Григорий Спиридонович (1868—1925) — протоиерей, автор популярной книги «Евангелие как основа жизни» (1889), талантливый проповедник (см. о нем: *Преображенский И. В.* Новый и традиционный духовные ораторы о. Григорий Петров и Иоанн Сергиев, Кронштадтский. СПб., 1902). После избрания во вторую Государственную думу в 1907 году, о. Григорий увлекся политикой, за что поплатился лишением священного сана (по решению Синода). В 1918 году его священнический статус был восстановлен. После революции о. Григорий эмигрировал, жил и служил в Сербии, затем переехал в Париж. Розанову импонировало проповедуемое о. Григорием Петровым жизнеутверждающее прочтение Евангелия, соединяющее мирское и церковное. Розанов написал о «батюшке Петрове» несколько статей, одна из первых, посвященная проповедническому дару священника, называлась «Религия как свет и радость» (Новое время. 1899. 14 апр. № 8301). Знакомство Ремизовых с Петровым состоялось в доме Розанова 16 октября 1905 года (см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 7. С. 50). Вероятно, письмо корреспондируется с письмом Розанова (начало лета 1906 года) с приглашением на дачу, а также со словами: «Свинье*** напишу. Правда, забылся» (Там же. С. 66).

⁴ Тышка Казимир Людвигович (?—1902) — товарищ С. П. Ремизовой по ссылке в Сольвычегодске в 1901—1902 годах, покончил жизнь самоубийством. После смерти Тышки у Ремизовых хранилась его рукописная тетрадь с рассказами. Ср.: «В Сольвычегодске: Казимир Людвигович Тышка (похоронен в Сольвычегодске); о нем особенная память: человек тончайшей души и одаренный; моя мечта: то немногое, что осталось, — „рассказы“ — издать отдельной книгой с портретом: какое прекрасное лицо!» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 8. С. 482). В романе «В розовом блеске» Ремизова (гл. «Непоправимое») Тышка выведен под именем Заруцкий; здесь же дана краткая характеристика его лирической прозы (*Ремизов А. В.* розовом блеске. С. 291—297).

⁵ 26 сентября 1905 года Ремизовы переехали из комнат при редакции журнала «Вопросы жизни» (Саперный пер., 10) в квартиру на 5-ой Рождественской, 38.

6

4 декабря 1907 года.

Дорогая Варвара Димитриевна!

Поздравляем Вас с днем Вашего ангела¹ и просим разрешить придти к Вам после 11 ч. прямо из театра.²

С. и А. Ремизовы

¹ 4 декабря по старому стилю — день памяти великомученицы Варвары. Ср.: «И всегда именины В. Д. справлялись весело. Много бывало гостей и знакомые и незнакомые. (...) Бывало, что именинные гости собирались не вечером, а с утра после обедни прямо к пирогу. И так

за полночь: и обедали и отдыхали и чай пили и еще раз чай пили и ужинали» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 56).

² 4 декабря 1907 года состоялась премьера пьесы Ремизова «Бесовское действо над неким мужем, а также смерть грешника и смерть праведника, сие есть прение Живота со Смертью», основанной на апокрифических сказаниях, в театре В. Ф. Коммиссаржевской (режиссура Ф. Ф. Коммиссаржевского, при участии А. П. Зюнова; декорации М. В. Добужинского; музыка М. А. Кузмина). Первый спектакль прошел «под неистовый свист публики» (Ремизов А. Бесовское действо. Представление в трех действиях с прологом и эпилогом. Пб., 1919. С. 42). О постановке пьесы см.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 251—253; а также: Добужинский М. В. Воспоминания. М., 1987. С. 229—232.

7

1 января (1908)¹

Дорогой Василий Васильевич!

Поздравляю Вас с ангелом и новым годом,² кланяемся и поздравляем Варвару Димитриевну.

А. и С. Ремизовы.

А. А. Измайлов

с 10 ч. до 1 ч. дня 226-98³

¹ Письмо датируется в соответствии с расположением в составе конволюта.

² Именины Розанова по православному календарю приходились на день памяти святого Василия Великого — 1 января по старому стилю.

³ Помета рукой Розанова. Измайлов Александр Алексеевич (1873—1921) — литературный критик, прозаик, пародист. Знакомство Измайлова и Розанова завязалось в конце 1905 года, когда Розанов становится сотрудником газеты «Русское слово». Измайлов был одним из доброжелательных критиков, перу которого принадлежит «едва ли не самое большое количество статей о Розанове в дореволюционной печати» (Фатеев В. С русской бездной в душе. Жизнеописание Василия Розанова. С. 332).

8

18 апреля 1917 (года)

Смутное время¹

Дорогой Василий Васильевич.

Представляю Вам поэта Клюева Николая Алексеевича.²

Если можете, посодействуйте ему к доктору Карпинскому³ — так к Карпинскому человеку никак не попасть — а Клюеву нужда освидетельствоваться.⁴

Всего Вам хорошего

Алексей Ремизов

В. О. 14 л. 31 кв. 48

209—69

¹ Ассоциативная отсылка к истории русского междуцарствия («смутное время») возникает в целом ряде писем Ремизова 1917 года. Аналогичная помета встречается, в частности, в письме Ремизова к И. А. Рязановскому от 24 марта (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 33) и в письме к В. С. Миролубову от 12 октября (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 998). Ср. также запись в дневнике Ремизова в день написания письма Розанову: «Смута все время была. Вечер[ом] заходили Клюев и Сокол[ов]» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 434).

² Клюев Николай Алексеевич (1884—1937) — поэт. Знакомство Ремизова с Клюевым состоялось в конце 1912 — начале 1913 года. Краткий экскурс в историю отношений Ремизова и Клюева см. в кн.: Николай Клюев. Письма к Александру Блоку. 1907—1915 / Публ., вводная статья и комм. К. М. Азадовского. М., 2003. С. 285—286.

³ Карпинский Александр Иванович (1872—1920) — врач-психиатр, в конце 1910-х годов работал в Петербургском Психоневрологическом институте. В. Д. Розанова проходила у Карпинского курс лечения. Ср.: «„Проверим лечением”, сказал Карпинский. И едва было начато специфическое лечение, как по всем частям началось улучшение» (Розанов В. В. Уединенное. Т. 2. М., 1990. С. 380). Ср. также пояснения Ремизова из альбома с письмами В. В. Розанова «Др. А. И. Карпинский — самый в ту пору знаменитый доктор по нервным болезням. Теперь покойный — умер в несколько дней от воспаления легких в Петербурге в 1920 году» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 560).

⁴ Речь идет о призыве на воинскую службу весной 1917 года, угрожавшем Ключеву. Ср. пояснения Ремизова к ответному письму Розанова: «Ключев Н. А. (поэт) отбояривался от воинской повинности. Самому мне добраться до Карпинского трудное дело, пробовал, а В. В. он знал хорошо — лечил Вар(вару) <Дмитриевну>. Я отрядил Ключева с письмом к В. В., а В. В. Ключева направил с письмом к Карпинскому. И до чего это странно — Ключев „дурил” ведь докторов, а все принимали за чистую монету. Розанову Ключев не понравился: не любил он в поддевках с крестом на груди — перед революцией в Петербурге не один Ключев щеголял так крестоносцем, впрочем в революцию кресты спрятались, куда им и полагается. Неловко ж в самом деле: „Революцию и мать света” в песнях возвеличим! Прорыкать на митинге, блестя серебряным крестом на цепи серебряной. Розанову эти наряды очень не нравились: попу это полагается, а так — одна комедия!» (Там же. С. 561—562). Очевидно, что после ходатайств Розанова, Карпинский согласился освидетельствовать непригодность Ключева к воинской службе. С этим связана телеграмма Ключева, вскоре направленная Ремизову: «Карпинскому ждат <sic!> меня Петрограде От Ключева» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 94. Л. 3). Заключение Карпинского по этическим соображениям было направлено не лично Ключеву, а Ремизову для последующей передачи (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 127). 11 июня 1917 года Ключев из Олонекской губернии взывал о помощи Ремизова в письме, используя элементы шрифта русской скорописи XVI века: «Алексей Михайлович Б — ога ради Высылайте немедля свидетельство Карпинского Беруть. Н. Ключевъ» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 94. Л. 2).

9

15 мая 1918 г<ода>

Дорогой Василий Васильевич
на одре моем смертном вспоминал Вас.

Крупное воспаление легких было у меня.¹

В день кризиса пришел Философов.²

А я уж и не вижу его — свет погасал в глазах от жара.

И вот помню, подумал: если бы Василия Васильевича увидеть в последний раз.

И все вспомнил, как соседями жили на белом свете³

и как было хорошо на белом свете.

Посылаю Вам два слова моих⁴ и книгу о русских женщинах.⁵

Пришлите Апокалипсис и надпись положите в воспоминание.⁶

Серафима Павловна кланяется Вам.

Оба мы кланяемся Варваре Димитриевне.

Алексей Ремизов.

В. О. 14 л. 31 кв. 48

¹ Речь идет о крупном воспалении легких, вспыхнувшем 23 сентября и продолжавшемся в острой форме до 4 октября 1917 года. Хронологическое описание болезни см. в дневнике писателя: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 481—482.

² Визит Д. В. Философова (вероятно, 30 сентября 1917 года) отразился в тексте поэмы «Огневица», в основу которой положено описание горячего бреда, пережитого во время болезни. Согласно тексту поэмы, именно Философов сообщил Ремизову о переезде Розанова на постоянное место жительства из Петрограда в Сергиев Посад (см.: Там же. С. 165, 481).

³ Ср. текст «Огневицы»: «И вспоминаю Розанова, Егоровские бани в Казачьем, соседи мы были» (Там же. С. 165), а также воспоминания из «Кукхи»: «Жили мы по соседству: Розанов в Б. Казачьем переулке, мы — в М. Казачьем; нас разделяли Егоровские бани» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 73). Семья Розановых переехала с квартиры на Шпалерной ул., в которой они

жили с 1899 года, в дом на Б. Казачий пер. (д. 4, кв. 12) в 1905 году, а Ремизовы переехали в М. Казачий пер. (д. 9, кв. 34) в сентябре 1907 года.

⁴ По всей вероятности, речь идет о «Слове к матери-земли» (Воля страны. 1918. 3 (16) февр. № 16; литературное приложение «Россия в слове») и «Заповедном слове русскому народу» (Вечерний час. 1918. 19 февр. (6 марта). № 37).

⁵ Подразумевается книга «Русские женщины. Народные образы», о выходе которой из печати в петроградском издательстве «Скифы» сообщала газета «Дело народа» (1918. 21 (8) апр. № 25. С. 4).

⁶ «Апокалипсис нашего времени» выходил отдельными выпусками (№ 1—10, с единой пагинацией страниц) в Сергиевом Посаде с ноября 1917 по октябрь 1918 года. Получение книг Розанова (не ранее июня 1918 года) зафиксировано в автобиографическом романе «Взвихрѣнная Русь»: «От Троице-Сергия получили мы от Розанова Апокалипсис — несколько книжечек с надписью...» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 75).